

Н.Ю. Царева, доцент, профессор факультета русского языка Института иностранных языков Шэньсийского педагогического университета, г. Сиань, КНР; e-mail: tsareva23@mail.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ КАК ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ РКИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ¹

В статье с лингводидактических позиций на основе адресности обучения, с учётом психолингвистических факторов, влияющих на порождение ответного высказывания будущих переводчиков, рассматриваются синтаксические синонимы, близкие, но не тождественные по смыслу. Автор обращает внимание на актуальность употребления в речи простого предложения и анализирует возможности его употребления с учётом семантики и наличия синонимических конструкций. В статье на многочисленных примерах убедительно доказывается мысль о том, что выбор из числа синтаксических синонимов предполагает как глубокое их осмысление, со стороны обучаемых, так и системное комментирование в учебных целях, со стороны преподавателей.

Ключевые слова: психолингвистические факторы, иноязычная личность, речемыслительная деятельность, синонимия, синтаксические синонимы, простое предложение, семантика, структура, типы, предикат, предикативность.

Natalia Yu. Tsareva, Associate Professor, Professor at the College of Foreign Language of Shaanxi Normal University, Xi'an, PRC; e-mail: tsareva23@mail.ru

SYNTACTIC PARALLELS AS A LINGUODIDACTIC PROBLEM IN THE THEORY AND PRACTICE OF RUSSIAN TEACHING AS A FOREIGN LANGUAGE TO FUTURE TRANSLATORS

The article provides a linguodidactic perspective on targeted training while taking into account psycholinguistic factors influencing the generation of future interpreters' response and syntactic synonyms that are close, but not identical, in meaning to one another. The author analyzes the importance of the use of simple sentences in speech as well as possibilities of their usage while considering semantics and the presence of synonymous constructions. The author provides the reader with numerous examples to illustrate the idea that selecting specific syntactic synonyms implies both their deep rethinking on the part of the students and systemic commenting on the part of the teachers.

Key words: psycholinguistic factors, foreign language personality, speech activity, synonymy, syntactic synonyms, simple sentence, semantics, structure, types, predicate, predicativity.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке общественного научного фонда КНР (16BYU190). Проект «Исследование синонимичной компетенции при переводе с китайского языка на русский». (This article is supported by the Fundamental Research Funds for the Central Universities «Study on the development of Russian linguistic typology» (16SZYB13)).

Введение

Начнём с нескольких вводных положений, которые являются общепринятыми и могут служить в качестве основы для дальнейших размышлений.

Первое. По сути, русский язык как иностранный, с точки зрения речемыслительной деятельности, есть перевод. И нужно оставить заманчивую лингвометодическую мечту о том, что все учащиеся в результате особых тактик и стратегий начнут думать по-русски. Такое явление случается, но касается, скорее, билингвов, и убеждает нас в этом именно практика.

Второе. Русский язык чрезвычайно богат коммуникативно-синтаксическими разновидностями. Причём динамика их движения и изменения весьма высока, особенно на современном этапе развития общества. А если так, то требуется постоянное внимание и изучение данного предмета.

Третье. В русском языке на синтаксическом уровне смысл зачастую определяет выбор строя предложения. Нарушения структур (их языкового выражения, порядка слов) приводит к коммуникативным неудачам.

Если всё вышесказанное принять как априори, то важность рассматриваемой в статье проблемы не может вызывать никакого сомнения.

А теперь позволим себе поделиться некоторыми наблюдениями и их анализом.

Объектом для рассмотрения синтаксических параллелей будет служить единица синтаксиса, именуемая предложением. При этом мы попробуем его проанализировать в плане ответного действия, требующего выполнения триединой функции, а именно: слушающего – думающего – интерпретирующего [Якобсон, 1985].

Казалось бы, логика ясна относительно следования речевых действий, да и используемые коммуникативно-синтаксические разновидности тоже вполне предсказуемы. Однако имеет место большое «НО», о котором писал выдающийся лингвист, профессор А.А. Потебня:

«Думать при слове то, что думает другой, значит перестать быть самим собою. Поэтому понимание в смысле тождества говорящего и слушающего есть такая же иллюзия, как и та, в силу которой мы принимаем собственные ощущения за внешние предметы» [Потебня, 1990: 138].

В наше время, в этой связи, ценное замечание принадлежит и видному учёному Б.М. Гаспарову, который указывал на то, что в сознании личности все процессы совершаются индивидуально, и их течение и результат неотделимы от характера и жизненного

опыта, поэтому в полном своём объёме они всегда уникальны для каждого [Гаспаров, 1996].

Любопытно то, что при всей индивидуализированности коммуникативного ответного действия адекватность понимания субъектом вполне возможна. Однако это с той оговоркой, что количество и качество его составляющих, обеспечивающие эффективность и реактивность осмысления, будут всегда варьироваться.

Почему? Дело в том, что любое ответное речевое действие включает в себя момент интерпретации, связанный с деятельной природой понимания. Причём по степени интеллектуальной активности, понимание в процессе интерпретации будет требовать от реципиента значительно больших усилий, чем понимание на уровне восприятия. Это во многом объясняется двойственной природой интерпретации: с одной стороны, она связана с реконструкцией, или репродукцией, а с другой — с созданием чего-то нового, то есть продукцией. Свидетельством тому является любое переложение. Ведь всё, что проходит через процесс индивидуального осмысления является, по сути, уже новым произведением [Леонтьев, 1969].

Поэтому, с коммуникативной точки зрения, предложения-ответы учащихся представляют собой не только информативную единицу (знаю), но и речетворческую (выражаю), ибо, по теории профессора М.М. Бахтина, пространство смыслового целого есть пространство, в котором оно функционирует и его поле включает в себя личный опыт, знания того, что обеспечивает осмысление и понимание [Бахтин, 1986].

Все указанные теоретические положения имеют своё развитие и среди лингвистов не вызывают сомнения. И это именно то, чем можно руководствоваться при определении приоритета в необходимости лингводидактического комментирования изучаемых языковых единиц, в частности для китайских учащихся.

Хотелось бы подчеркнуть и тот факт, что работа в китайской аудитории при обучении РКИ требует намного больших усилий для создания условий, побуждающих к речетворчеству, чем при обучении носителей европейских языков. Препятствием являются, как известно, разность языковых систем, разность осмысления окружающего пространства, разность лингвистического опыта и культуры приобретения знаний.

Безусловно, на всех уровнях языка есть свои зоны трудностей, и синтаксический здесь не исключение. Если говорить о китайских учащихся, это особенно заметно при порождении ими некоего смыслового целого в виде предложения. Ошибки связаны со строем предложения, с выбором в нём предиката с учётом его формы и коннотации, особенно если грамматические формы его в родном

языке отсутствуют (например, в китайском – краткие формы прилагательных или личные формы глагола).

Напомним, что параллельными синтаксическими конструкциями, или синтаксическими синонимами, называются те, которые, «различаясь словесно (лексически), структурно и ситуативно, несут в себе одно общее содержание и поэтому, в большей или меньшей степени, способны заменять друг друга, а значит, вступать в синонимические отношения» [Энциклопедический словарь, 2008: 297].

Чаще всего устанавливаются параллели между простым и сложным предложением, в частности, между простым предложением с причастием или деепричастием и сложным. Случаи эти хорошо описаны, они достаточно структурны, содержательно прозрачны (отношения: деятель-деятельность, субъект-объект и их освоение не должно вызывать больших затруднений).

На наш взгляд, исходя из опыта ведения курса «Практической стилистики» в китайском вузе при обучении выбору языковых средств, следует больше внимания уделять синтаксическим параллелям, имеющим место на уровне простого предложения.

Причина связана с тем, что в современной речи простое предложение явно доминирует, его употребление весьма востребовано как в устной, так и в письменной речи. В разных жанрах прозы и публицистики мы встречаем простое предложение чаще, чем сложное. Объяснения этого факта исследователи связывают с тем, что как коммуникативная единица, простое предложение способно задавать определённый ритм, динамику нарративности, содержать не только в себе сообщение, но и, что немаловажно, указывать на качественную характеристику явлений, в нём может присутствовать оценочное суждение о субъекте или объекте действия [Рогова, 2006].

С точки зрения обучения, нам интересно то, что между разными типами простого предложения устанавливаются синонимические отношения, то есть можно наблюдать общность их содержания, но при разности структурных компонентов и при наличии дополнительной коннотации.

Как мы знаем, полных синонимов практически нет, всегда существуют оттенки, нюансы и прочее. А значит, чтобы выразить мысль, мы находимся перед выбором наилучшей логико-смысловой структуры, реализующейся в виде того или иного типа предложения и составляющих его сегментов.

Конечно, любое словосочетание или предложение обретают свой законченный смысл только в тексте. Однако мы имеем все основания рассматривать те или иные структуры как важные части смыслового целого, которые влияют на качество их понимания и уместность употребления. Наибольшую сложность для иноязычной личности в ходе овладения неродным языком представляет

собой выбор из числа синонимичных языковых элементов, в частности синтаксических синонимов, поскольку затрагивают область не только собственно синтаксическую, то есть строй и внутренние связи, но и семантическую.

Например, синонимия возможна между разновидностями односоставных предложений, а именно, между инфинитивными и обобщённо-личными. Смысл, проявление степени категоричности, в данном случае, будут условием выбора той или иной синтаксической конструкции. Приведём примеры:

(1) <i>Этого не решить!</i>	(2) <i>Этого не решишь!</i>
(1) <i>Его не догнать!</i>	(2) <i>Его не догонишь!</i>

Как мы видим, инфинитивное предложение (1) ориентировано на действительное (не)выполнение действия неким субъектом, который формально не выражен. И конечно, степень категоричности, в нашем случае отрицания, будет достигать наивысшей степени. В обобщённо-личном предложении (2) иная дополнительная коннотация: в нём субъектная неопределённость достигает предела. В данном предложении очевидно обращение к себе, и хотя оно не привязано к конкретному времени, однако указывает на констатацию некоего сложившегося положения, в нём угадывается размышление. И те, и другие конструкции весьма активно используются современными СМИ, в прозе, в разговорной речи, поэтому особенности их употребления, безусловно, заслуживают комментирования в иноязычной аудитории.

Другой пример синтаксических параллелей возможен между аккумулятивными предложениями (1) и безличными (2), особенно если это касается погодных условий (*дождь, снег, град, волна, ветер, туча, облака, песок, молния* и пр.), что играет в последнее время важную роль в новостной информации.

(1) <i>Река размыва берега.</i>	(2) <i>Рекой размыво берега.</i>
(1) <i>Молния убила его.</i>	(2) <i>Молнией убило его.</i>
(1) <i>Волна унесла баркас.</i>	(2) <i>Волной унесло баркас.</i>

При всей общности содержания данных структур, мы сталкиваемся с явными стилистическими предпочтениями. Так, аккумулятивные предложения тяготеют к научному стилю речи. Безличные стилистически нейтральны и, скорее, область их употребления – разговорная речь.

Кстати, употребление конструкции: *Берега размывты рекой* – тоже возможно, однако пассивность субъекта (*берега*) всё-таки будет указывать нам на книжный характер выражения.

Обратим внимание на то, что изменчивость структурно-смыслового наполнения предложения, его дополнительная коннотация

заложена, прежде всего, в предикате! Да, действительно, русский язык предикативен, именно предикат является важнейшим компонентом в структуре предложения, который во многом определяет его рисунок и смысловые отношения, указывает на тональность суждения.

Предикативность – предельно абстрактная категория и, как считают специалисты, она может быть представлена через описание её грамматических составляющих: синтаксического времени, синтаксического лица и объективной модальности [Солганик, 2016]. Эта категория может быть выражена в предложении разными частями речи, но преимущественно всё-таки глаголом. Нужно заметить, востребованность в передаче смыслов с помощью данного класса слов ведёт к постоянному его пополнению и расширению за счёт отымённых образований.

Так, характеризующее значение всё чаще в русском предложении имеют не только имена, но и глаголы, обозначающие занятия, свойства, цвет, характер, поведение лиц. Среди них глаголы на *-ничать*: *важничать, модничать, бездельничать, сплетничать, вредничать, деликатничать, капризничать, умничать, жадничать* и пр.

В комментариях по РКИ наряду с выполнением глаголом предикативной функции в предложении, именной словообразовательной структурой, стоит отметить и его смысловые оттенки, связанные зачастую с отрицательной экспрессией: *модничает, деликатничает, умничает*.

Сравним: (1) *Он умный человек.* (2) *Он умничает.* Если первое предложение нейтрально по тону, то второе содержит скрытую иронию, при этом некое единое начало значений двух предложений уже будет стираться, их семантическая схожесть станет весьма относительной.

Отымённые глаголы, выполняя роль предикатов, способны не только характеризовать предмет, но и сохранять свойственную глаголу процессуальность, среди них глаголы на *-еть*: *розоветь, белеть, стареть, молодеть, уметь, сесть, взрослеть, осиротеть, густеть, добреть, густеть* и прочие. Например:

Конечно, с годами мы умнеем, но при этом стареем, седеем, болеем...

Обратим внимание, что синтаксическая параллель с использованием полного прилагательного в качестве предиката, конечно, возможна, но тон такого высказывания, согласитесь, будет более жёстким, резким. Почему? Видимо, потому, что заложенная в глаголе процессуальность сглаживает силу признака, и поэтому тон суждения уже становится менее категоричным. Здесь будет нелишним напомнить и то, что уместность категоричности в суждениях весьма ситуативно ограничена, и её присутствие никогда не считалось показателем культуры общения.

Можно привести другие синтаксические параллели в использовании глагольного и именного предиката, которые будут близки по смыслу, но не тождественны. К примеру: (1) *Он давно пишет.* (2) *Он давно писатель.*

В первом предложении речь идёт о занятии или увлечении, можно лишь предполагать, что он хороший писатель, а во втором предложении точно устанавливается род занятий и профессиональное признание.

Или сравним ещё два выражения предиката в простом предложении, которые тоже несут в себе дополнительную информацию. Например:

(1) *Он танцор.* (2) *Он танцует.* (1) *Он столяр.* (2) *Он столярничает.*

В первых предложениях речь идёт о профессии субъекта действия, а во-вторых, — о навыках, умениях субъекта что-либо делать.

Заметим, что синонимия синтаксических структур (синтаксические параллели) приводит к сплетённости лексико-грамматических форм, что предполагает довольно сходные семантические эффекты, и выбор конструкций и предикатов уже будет зависеть не от смысла, а от автора и его манеры изложения и языкового вкуса... К примеру: *Он на вид моложав.* *Он выглядит моложаво.*

Синтаксические параллели, их наличие в русском языке свидетельствует ещё об одной особенности современного его состояния, а именно указывают на явное сближение разных типов речи в лексико-грамматическом пространстве русского языка. Примером может служить активное использование краткого прилагательного в качестве предиката в простом предложении, которое раньше свидетельствовало о книжности речи, а сейчас становится данностью разговорной.

К примеру: (1) *Брат ещё совсем молодой.* (2) *Брат ещё совсем молод.*

Как видим, в смысловом отношении данные предложения, можно сказать, равнозначны. И даже если мы обнаружим предпочтительность в современной речи второго, то это будет объясняться внутренними языковыми процессами: стремлением языка к экономии речевого выражения, к большей лаконичности, большей яркости выражения, недаром краткая форма в качестве предиката так востребована в поэзии: *Я и молод, и свеж, и влюблён...* (А. Блок). Причём, если попробовать воспользоваться полными формами, ритм будет потерян и как следствие — поэтичность угаснет.

Заключение

Наш анализ даже ограниченного числа простых предложений и их предикатов убедительно доказывает, что ресурсы синтаксиса русского языка просто неисчерпаемы, поскольку тесно связаны

с семантикой. При обучении выбору строя предложения и его синтаксических составляющих всегда нужно учитывать экспрессивный градус выражения. В этой связи будем помнить, что критерием хорошей речи, наряду с её правильностью, являются уместность и выразительность.

Сегодня такие факторы, как: *возрастание личностного начала, ослабление жёстких рамок публичного общения и свобода речевого поведения* – не означают отсутствие норм, но предполагают всегда поиск лучшего из числа возможного, и выбор среди синтаксических параллелей являются тому подтверждением.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
Bah'tin, M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo, 1986. 445 p. (in Russian).
- Гаспаров Б.М.* Язык, образ, память. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
Gasparov, B.M. Yazyk, obraz, pamyat'. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya [Language, speech, speech activity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. 352 p. (in Russian).
- Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
Leont'ev, A.A. Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost' [Language, speech, speech activity]. Moscow: Prosveshchenie, 1969. 214 p. (in Russian).
- Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990. 344 с.
Potebnya, A.A. Teoreticheskaya poehtika [Theoretical poetics.]. Moscow: Vyshaya shkola, 1990. 344 p. (in Russian).
- Рогова К.А.* О некоторых особенностях стиля «другой» литературы – литературы «новой волны». Сборник статей «Обретение смысла». СПб.: «Осипов», 2006. С. 535–539.
- Rogova, K.A.* O nekotoryh osobennostyah stilya “drugoj” literatury – literature “novoj volny”. *Sbornik statej “Obretenie smysla”* [On some features of the style of “other” literature – the literature of the “new wave”. Collection of articles “The acquisition of meaning”]. Saint-Petersburg: “Osipov”, 2006, pp. 535–539 (in Russian).
- Солганик Г.Я.* Русский язык и культура речи. М.: Аспект-Пресс, 2016. 256 с.
Solganik G. Ya. Russkij yazyk i kul'tura rechi [Russian language and culture of speech]. Moscow: Aspekt-Press, 2016. 256 p. (in Russian).
- Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Под редакцией А.Н. Тихонова. Т. 2, М.: Флинта-Наука, 2008. 816 с.
Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov i ponyatij [Encyclopaedic dictionary-reference of linguistic terms and concepts]. Pod redakciej A.N. Tihonova. Vol. 2, Moscow: Flinta-Nauka, 2008. 816 p. (in Russian).
- Якобсон Р. О.* Избранные работы. М.: Прогресс. 1985. 460 п.
Yakobson, R.O. Izbrannye raboty [Selected works]. Moscow: Progress, 1985. 460 p. (in Russian).